

— Светлана Легкая —

БЫВШАЯ ЖЕНА. *Новая Секретарша*

18+

Светлана Легкая

Бывшая жена.

Новая секретарша.

<https://litres.ru/74565673>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он покупает компанию её бывшего мужа.

Она знает, где в этой компании спрятан миллиард долгов.

Марк Ланской, потомок князей и самый холодный директор в Москва-Сити, взял на работу женщину без опыта, потому что она за пять минут нашла ошибку, которую пропустили четыре аналитика. Он подозревает, что её подослали. Она боится, что снова станет чьей-то удобной.

Застрявший лифт. Ливень. Вальс на крыше. Старая усадьба, где гроза отключает свет.

Но в сделке, где ставки — миллиарды, кто-то очень хочет, чтобы бывшая жена осталась ни с чем.

Содержание

Глава 1. Годовщина	4
Глава 2. Раздел	14
Глава 3. Резюме из пустоты	25
Глава 4. Собеседование	36
Глава 5. Марк	47
Глава 6. Первый день	58
Глава 7. Лифт	68
Глава 8. Бывший в приёмной	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Светлана Легкая

Бывшая жена.

Новая секретарша.

Глава 1. Годовщина

Утку я поставила в духовку в половине пятого, ровно за три часа до того, как Игорь обещал вернуться.

Рецепт был его мамы. Тамара Игоревна продиктовала мне его десять лет назад, на второй неделе после свадьбы, с интонацией человека, который передаёт ключи от сейфа и заранее сомневается, что новый хозяин справится. Яблоки антоновка, чернослив, мёд, чуть-чуть горчицы под кожу. Утка должна томиться долго, поливаться соком каждые двадцать минут и ни в коем случае не пересыхать. За десять лет я ни разу её не пересушила.

Я вообще мало что портила за эти десять лет.

Стол я накрыла в гостиной, а не на кухне. Достала скатерть, которую нам подарили на свадьбу, — льняную, с вышивкой по краю, — и с удивлением обнаружила на ней сгибы, которые не разглаживались. Скатерть пролежала в шкафу так долго, что запомнила свою сложенную форму. Я гладила её минут пятнадцать, пока складки не сдались.

Две тарелки. Два бокала. Свечи — высокие, кремовые, купленные специально. Бутылка его любимого вина, итальянского, сухого, за 4 800 рублей, — я выбирала её в магазине у метро, держа телефон с фотографией этикетки, чтобы не перепутать. Игорь в вине разбирался громко и при гостях. Я в вине не разбиралась совсем, зато прекрасно разбиралась в нём.

Соню я отвезла к Даше ещё в обед. Дочь сначала возмутилась, что её «выселяют», потом узнала, что у тёти Даши в кондитерской остались эклеры с вишней, и выселяться передумала только для вида.

— Мам, а вы будете целоваться? — спросила она в машине, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— Будем ужинать.

— Это то же самое, только с едой, — авторитетно сообщила Соня и уткнулась в планшет.

Восемь лет — возраст, когда человек уже знает про жизнь всё, но ещё не стесняется об этом говорить.

В шесть я приняла душ. В половине седьмого надела новое бельё — тёмно-зелёное, кружевное, на которое потратила больше, чем на зимние сапоги, — и долго смотрела на себя в зеркало ванной. Тридцать пять лет. Русые волосы до плеч, которые я давно перестала как-то особенно укладывать. Серые глаза, родинка над верхней губой — Игорь когда-то называл её «точкой в конце фразы». Давно не называл. Я подумала, что фигура у меня, в общем, ничего, и что

про это тоже давно никто не говорил.

Поверх белья — платье. Чёрное, простое, по колено. Я купила его к прошлому Новому году, но в итоге мы встречали праздник у его партнёров, и Игорь сказал, что чёрное — это «как на поминки». Я тогда переоделась в бежевое. Сегодня решила, что поминки так поминки.

Без пятнадцати семь я написала ему:

Утка будет готова к восьми. Жду.

Сообщение доставилось, но прочитано не было.

* * *

В восемь утка была готова.

В восемь двадцать я выключила духовку и накрыла противень фольгой, чтобы не остыл.

В восемь сорок позвонила. Длинные гудки, потом сброс. Через минуту пришло:

Задерживаюсь, совещание. Не жди, ешь.

Я не стала есть. Я села на диван в гостиной, подогнула под себя ногу и смотрела, как горят свечи. Сначала они горели ровно, потом начали оплывать — с одной стороны быстрее, чем с другой, потому что из приоткрытой форточки тянуло мартом. Я встала, закрыла форточку, вернулась на диван.

Телефон дрогнул. Даша прислала фотографию: Соня в фартуке до пола, с шоколадом на щеке и на носу, держит эклер, как микрофон. Следом пришло:

Твоя дочь заявила, что будет кондитером и юристом одновременно. Утром печёт, вечером судится. Как там романтика?

Я написала: Ждём романтику. Задерживается на совещании.

Даша прислала три точки, стёрла, снова прислала. Потом коротко:

Ник, если что — звони. В любое время.

Даша была разведена дважды и считала, что умеет читать мужчин по одному слову в мессенджере. Обычно я над этим смеялась. В тот вечер смеяться не стала. Я положила телефон экраном вниз и подумала, что всё в порядке, что все мужья задерживаются, что это нормально.

Я очень хорошо умела думать, что всё нормально. Десять лет тренировки.

Совещание в пятницу в девять вечера. Я знала его расписание лучше, чем он сам. Я знала, что в пятницу у «Карп-Строя» после шести не бывает никаких совещаний, потому что в пятницу после шести Игорь всегда уезжал «разгрузиться» — сауна с партнёрами, бильярд, иногда ресторан. Знала и делала вид, что не знаю. Это было удобно. Нам обоим.

В девять я задула свечи — они почти догорели, а других не было.

В девять сорок я убрала вино в холодильник.

В десять пятнадцать в замке повернулся ключ.

Я услышала, как он вошёл, как бросил ключи на полку в

прихожей — не в вазочку, а мимо, они звякнули о зеркало. Как скинул ботинки, не развязывая шнурков, — это он делал всегда, и я всегда потом развязывала их сама, чтобы задники не сминались. Как прошёл на кухню, открыл холодильник и сказал вслух, сам себе: «О, вино».

Потом он появился в дверях гостиной с бутылкой в руке и бокалом, уже налитым.

Игорь всегда был красивым мужчиной. Я влюбилась в него на втором курсе, когда он, выпускник строительного, приехал читать нам какую-то лекцию по приглашению декана и весь час смешил аудиторию. Высокий, широкий в плечах, с громким голосом, который заполнял любое помещение. Сейчас, в сорок, он немного располнел, но это его не портило — придавало солидности. Рубашка расстёгнута на две пуговицы. От него пахло чужими духами. Не теми, которыми пахло от меня.

Он посмотрел на стол. На скатерть, на две тарелки, на оплывшие свечи. Взгляд прошёл по всему этому, как луч фонаря по пустой комнате, и ни на чём не задержался.

На мне он тоже не задержался.

— Ника, нам надо поговорить, — сказал он и сел в кресло напротив.

Не на диван ко мне. В кресло. Я это отметила.

— У нас годовщина, — сказала я.

— Что?

— Десять лет. Сегодня.

Он моргнул. Потом посмотрел на стол ещё раз — и только теперь, кажется, увидел.

— А. — Он потёр переносицу. — Слушай, ну... да. Неудачно получилось. Но, может, оно и к лучшему. Символично даже.

Я молчала. Я давно научилась молчать так, чтобы ему хотелось заполнить паузу.

Он отпил вина, поставил бокал на подлокотник — на светлую обивку, без подставки, — и сказал:

— Я ухожу, Ника.

Сказал спокойно. Почти буднично. Так он сообщал мне, что в субботу мы едем к его маме или что в этом году отпуск будет в Турции, а не в Греции. Решение принято, обсуждению не подлежит, твоё дело — собрать чемодан.

— Куда? — спросила я. Хотя уже знала.

— К Алине.

Алина Звонарёва. Двадцать четыре года, секретарша в приёмной «КарпСтроя». Длинные светлые волосы, длинные ногти, длинные ноги. Я видела её дважды: на корпоративе в декабре и однажды в офисе, когда завозила Игорю забытые документы. Оба раза она улыбалась мне так, как улыбаются продавщицы в дорогих бутиках покупательницам, которые явно ничего не купят.

— Понятно, — сказала я.

Он, кажется, ждал другого. Слез, крика, разбитой тарелки. Он даже слегка подался вперёд, готовый к буре, и теперь

не знал, куда деть эту готовность.

— Я давно хотел сказать, — продолжил он, будто оправдываясь перед кем-то третьим. — Правда давно. Всё не было момента. Ты пойми, это не из-за тебя. Ты хорошая. Ты отличная мать. Просто мы... ну, выросли из этого. Из нас.

Выросли. Я подумала, что за десять лет я выросла из трёх размеров одежды Сони, из работы в банке, из привычки читать перед сном и из собственных друзей, которых он не любил. А он вырос из меня.

На коленях у меня лежала салфетка. Льняная, из того же набора, что и скатерть. Я даже не помнила, когда взяла её в руки. Я расправила её, сложила пополам — ровно, уголок к уголку, — и провела ногтем по сгибу.

— Сколько? — спросила я.

— Что «сколько»?

— Сколько это длится.

Он помолчал. Посмотрел в бокал.

— Полгода.

Полгода. С сентября. Я быстро посчитала: Новый год у партнёров, моё бежевое платье. Его день рождения в ноябре, когда он вернулся под утро и сказал, что засиделся с Вадимом. Наш отпуск в октябре, который он отменил за неделю — «объект горит». Командировка в Казань в январе, после которой он привёз мне магнит. Магнит. Он висел на холодильнике прямо сейчас, в шести метрах от меня, — кремль на фоне голубого неба.

Полгода он приходил домой, ел мою еду, спал в нашей кровати и врал. А я полгода развязывала шнурки на его ботинках.

Я сложила салфетку ещё раз. Теперь получился квадрат. Ровный.

— Ника, ты меня слышишь вообще?

— Слышу.

— Ты какая-то... — Он поморщился. — Ты могла бы хоть что-нибудь сказать.

— А что ты хочешь услышать?

— Не знаю. Что-нибудь. Я же не враг тебе. Мы цивилизованные люди. Соня, понятно, остаётся с тобой, я буду помогать. По квартире потом решим, тут юристы, всё такое. Ты не переживай, я не собираюсь тебя на улицу выкидывать.

Не собирается. Какое великодушие.

— Когда ты уходишь?

— Сегодня. Сейчас. — Он кивнул в сторону спальни. — Возьму вещи на первое время, потом заеду за остальным.

Он встал. Допил вино одним глотком. Бокал оставил на подлокотнике, и на обивке, я знала, останется круглый след — я потом буду оттирать его, если вообще стану оттирать.

Из спальни доносилось, как он выдвигает ящики, как гремит вешалками, как шуршит молния дорожной сумки.

Я встала и пошла на кухню. Не знаю зачем. Ноги сами принесли. Открыла духовку, приподняла фольгу. Утка лежала на противне — румяная, блестящая от мёда, с запечёнными

яблоками по бокам. Красивая. Я делала её десять лет, и ни разу она не была такой красивой, как сегодня.

На холодильнике, рядом с казанским магнитом, висела наша свадебная фотография. Маленькая, выцветшая, в пластиковой рамке на магнитике. Мы на ступенях загса. Мне двадцать пять, на мне платье, которое мы с мамой выбирали три месяца, и я смеюсь, запрокинув голову. Он держит меня на руках. Держит легко, будто я ничего не вешу, и смотрит не в камеру — на меня.

Я помнила этот день по минутам. Как он приехал за мной на старой отцовской машине, украшенной лентами, которые сам привязывал. Как пел под окном — фальшиво, громко, на весь двор, и соседи аплодировали с балконов. Как в ресторане, когда все уже устали, он нашёл меня в углу, где я сидела, сбросив туфли, сел рядом на пол в своём свадебном костюме и сказал: «Ника, я тебя никогда не обижу. Слышишь? Никогда».

Он не был чудовищем. Это было самое обидное. Он был обыкновенным. Обаятельным, громким, весёлым человеком, который однажды искренне пообещал — и однажды так же искренне забыл.

Я сняла фотографию с холодильника. Подержала. Положила в ящик стола, лицом вниз. И вернулась в гостиную, на диван, к своей салфетке. Я сидела и держала на коленях сложенную вчетверо салфетку. Где-то внутри меня что-то медленно, без звука, проваливалось вниз, этаж за этажом, как

лифт с оборванным тросом. Но снаружи я была совершенно спокойна. Я даже подумала, что утку надо бы переложить в контейнер, а то до утра испортится.

Странная вещь — шок. Он делает тебя очень практичной.

Через двадцать минут Игорь вышел с сумкой на плече и чехлом с костюмами. Он переоделся — свежая рубашка, пиджак. Для неё. Остановился в дверях гостиной.

— Сонечке скажи как-нибудь... помягче. Я с ней сам поговорю потом, на выходных. Или на следующих.

— Хорошо.

— Ника. — Он помедлил. На секунду мне показалось, что сейчас он скажет что-то настоящее. Извинится. Или хотя бы посмотрит на меня так, как смотрел когда-то в аудитории, — будто я единственная, кто понял его шутку.

Он посмотрел. Но совсем иначе. С жалостью — и с облегчением, которое даже не пытался спрятать.

— Ты не обижайся. Я правда долго думал. И знаешь, что понял? С тобой всегда было хорошо. Спокойно. Ужин, рубашки, Соня, всё по полочкам. Но ты же понимаешь, Ника, ты просто... удобная. А с ней я живой.

Он развернулся и вышел в прихожую. Я услышала, как он обувается — опять не развязывая шнурков. Как берёт ключи с полки. Как открывает дверь.

Дверь закрылась.

Глава 2. Раздел

Первые три дня я помню плохо, а то, что помню, — почему-то в цифрах.

Утку я всё-таки переложила в контейнер. Ночью не спала ни минуты: лежала на своей половине кровати и смотрела в потолок, на котором от фонаря за окном шевелилась тень голой ветки. Около трёх встала, вымыла два бокала, убрала свечные огарки, сложила скатерть. По старым сгибам. Она легла в них сама, с облегчением, будто только этого и ждала.

В субботу я забрала Соню от Даши и сказала, что папа уехал в командировку. Соврала впервые в жизни так легко — и испугалась, как легко это получилось.

В понедельник я открыла банковское приложение.

Общий счёт, на который Игорь каждый месяц переводил деньги «на хозяйство» и с которого мы платили за всё — за кружки Сони, за продукты, за коммуналку, за его химчистку, — был пуст. Не почти пуст. Пуст. Ноль рублей ноль копеек. Последняя операция — перевод в пятницу в 14:12. Получатель: Карпов И. В.

Он забрал деньги с общего счёта за пять часов до того, как я поставила утку в духовку.

На моей личной карте было 11 400 рублей. Остаток от того, что я откладывала с хозяйственных «на чёрный день», — откладывала по сто, по двести, как бабушка в варенье. Я

смотрела на эту цифру долго, словно от взгляда она могла вырасти.

Потом я пошла на кухню, открыла шкафчик, где лежали документы, и стала раскладывать их на столе.

Квартира. Трёхкомнатная, на Фрунзенской, с видом на реку. Мы переехали сюда, когда Соне был год. Я выбирала обои, спорила с прорабом о плитке, ночами шила шторы, потому что готовые в детскую не подходили по цвету. Выписка из реестра лежала в прозрачном файле. Собственник: Карпова Тамара Игоревна.

Я это знала. Конечно, знала. Игорь тогда объяснил: так надёжнее, на случай если с бизнесом что-то случится, никто не сможет отобрать. Мама — человек свой. Я кивнула. Я тогда кивала на всё, что говорил Игорь, потому что он говорил уверенно, а я была молодой мамой, которая спала по четыре часа в сутки.

Машина. Белая малолитражка, на которой я возила Соню в школу, в бассейн и на рисование. Договор кредита. Заёмщик: Карпова Вероника Сергеевна. Ежемесячный платёж: 18 600 рублей. Осталось платить два года.

Это я тоже знала. Тогда Игорь сказал: у меня кредитная нагрузка по фирме, банк мне не одобрит, оформим на тебя, а платить буду я. Платил он. До этого месяца.

Я сложила документы обратно в шкафчик, ровной стопкой, углом к углу. Потом села на табуретку и долго сидела, держа ладони на коленях.

Удобная. Он даже не врал. Я была удобной во всём: удобно записать на меня кредит, удобно записать на маму квартиру, удобно оставить мне ребёнка, удобно уйти в пятницу вечером, чтобы на выходных не объясняться ни с кем, кроме меня.

* * *

В среду позвонила Тамара Игоревна.

Свекровь никогда не повышала голос. Она преподавала когда-то сольфеджио в музыкальной школе и разговаривала со всеми, как с учениками, которые не выучили гамму.

— Вероника, здравствуйте. Игорь мне всё рассказал.

— Здравствуйте, Тамара Игоревна.

— Я не стану вмешиваться в ваши отношения, это ваше дело. Но вы же понимаете, что квартира моя. Я не тороплю вас. Месяц, полтора — сколько нужно, чтобы найти жильё. Я не зверь, у вас ребёнок.

— Соня — ваша внучка, — сказала я.

Она помолчала ровно столько, сколько требовала вежливость.

— Разумеется. И я буду с ней видаться. Но жить в моей квартире бывшая жена моего сына не может, это было бы странно для всех. Вы же разумная женщина, Вероника. Вы всегда были разумной.

Разумная. Удобная. Как много у меня, оказывается, было

достоинств.

— Я съеду, — сказала я. — Не беспокойтесь.

— Я и не беспокоюсь, — ответила свекровь и положила трубку.

* * *

В четверг вечером в дверь позвонили так, будто за ней стоял пожарный расчёт.

Я открыла. На пороге стояла Даша — в куртке нараспашку, с картонной коробкой торта в одной руке и бутылкой вина в другой. Рыжие кудри дыбом, щёки красные с мороза, глаза бешеные.

— Ты почему мне не звонишь? — с порога спросила она. — Ты почему мне четыре дня не звонишь? Я узнаю от Сони! От Сони, Ника! Она мне в пятницу сказала, что папа ушёл с большой сумкой, потому что она утром видела, что его зубной щётки нет!

Я открыла рот, чтобы ответить, и не ответила. Соня. Соня заметила щётку. А я рассказывала ей про командировку.

Даша посмотрела на моё лицо, сунула мне в руки торт, хлопнула дверь ногой и обняла меня. Крепко, вместе с тортом, который хрустнул картонным боком у меня на груди.

— Где ребёнок?

— Спит.

— Отлично. Тогда мы на кухню, и ты мне всё рассказы-

ваешь, а я буду ругаться шёпотом.

Она действительно ругалась шёпотом. Очень изобретательно и почти без повторов — с тех пор как Даша открыла свою кондитерскую «Сахарная пудра» и стала каждое утро в пять принимать товар от поставщиков, её словарный запас стал богаче, чем у грузчиков, которые этот товар привозили. Я рассказала про утку, про салфетку, про полгода, про пустой счёт и квартиру свекрови. Даша слушала, открывала вино, резала торт огромными кусками и время от времени говорила: «Так. Так. Ага. Вот гад».

— Торт какой? — спросила я, когда закончила.

— «Наполеон». Вчерашний. Никто не купил, я решила, что это знак.

— Знак чего?

— Что Наполеон тоже проиграл. А потом его сослали на остров, и там он умер в одиночестве. — Даша подняла бокал. — За то, чтобы Игорь Карпов со своей Алиной уехали на Мальдивы и там...

— Даша.

— Что? Я хотела сказать: и там у них сгорели плечи. Что ты сразу думаешь о плохом?

Я засмеялась. Это вышло неожиданно и не совсем как смех: что-то среднее между икотой и всхлипом. Даша посмотрела на меня внимательно и подвинула мне салфетку. Я машинально взяла её и стала складывать пополам.

— Положи, — сказала Даша.

— Что?

— Салфетку положи. Ты её складываешь уже пятую минуту. Ты всегда так делаешь, когда хочешь заорать.

Я посмотрела на свои руки. На столе передо мной лежала салфетка, сложенная в крошечный, идеально ровный квадратик. Я и не заметила.

— Я не хочу орать.

— Хочешь. — Даша налила себе ещё. — Ты десять лет хочешь орать. Ты просто не умеешь.

И тут я заплакала. Не красиво, не так, как в кино, где у героини по щеке катится одна аккуратная слеза. Некрасиво, с соплями и икотой, уткнувшись лбом в кухонный стол, рядом с тарелкой «Наполеона». Даша не утешала. Она сидела рядом, гладила меня по спине и молчала, а когда я начала затихать, сказала:

— Ну вот. А теперь давай считать.

— Что считать?

— Деньги, Ника. Ты же у нас экономист с красным дипломом. Сколько у тебя есть, сколько надо на квартиру, сколько на садик... тьфу, на школу. Сколько этот гад должен на алименты. Давай, считай. Ты, когда считаешь, становишься похожа на человека.

Мы считали до двух ночи. Получалось плохо. Получалось, что на 11 400 рублей и обещанные алименты, которые ещё надо было получить через суд, можно снять в лучшем случае комнату. Получалось, что работы у меня нет девять лет, а

последняя запись в трудовой — «аналитик отдела кредитных рисков», полгода стажа.

— Ты найдёшь, — сказала Даша, когда мы домыли посуду. — Ты умнее всех, кого я знаю. Ты в институте за меня курсовые писала, помнишь? А я на тройки еле вытягивала. И кто из нас теперь владелица бизнеса?

— Ты.

— Вот. А ты умнее. Значит, тебе будет ещё лучше. Это математика.

Я не стала спорить с её математикой.

* * *

Квартиру я нашла через восемь дней.

Двухкомнатная, в Медведкове, на пятом этаже девятиэтажки семидесятых годов. Последняя остановка автобуса, пятнадцать минут пешком до метро. Обои в цветочек, советская стенка, ванна с жёлтыми потёками, кухня шесть метров. Хозяйка, Нина Аркадьевна, переехала к дочери в Подольск и сдавала квартиру «приличным людям, без животных и без мужиков». За 38 000 рублей в месяц плюс коммуналка. Залог я заплатила, продав золотой браслет — подарок Игоря на пятую годовщину. Ювелир у метро дал мне за него треть цены. Я не торговалась.

Домофон в подъезде не работал. Лампочка на третьем этаже не горела. Зато на пятом пахло пирогами — из сосед-

ней квартиры, где, как выяснилось, жила Галина Фёдоровна, бывшая учительница начальных классов, которая в первый же вечер принесла нам тарелку пирожков с капустой и сказала, что если что — она всегда дома.

Переезжали мы в субботу. Даша пригнала из кондитерской свой фургон с нарисованным на боку эклером и двоих крепких племянников. Я забирала только своё и Сонино. Посуду, подаренную на свадьбу, оставила. Скатерть — тоже.

Соня ехала в фургоне на переднем сиденье и задавала вопросы.

— А почему мы переезжаем?

— Потому что эта квартира бабушки Тамары. А теперь у нас будет своя.

— А папа тоже переезжает?

— Папа уже переехал.

— Куда?

Я посмотрела на Дашу. Даша смотрела на дорогу так сосредоточенно, будто вела фургон по минному полю.

— Он теперь живёт в другом месте.

Соня помолчала. Она смотрела в окно, на мокрый мартовский снег вдоль обочин, на серые дома и рекламные щиты. Потом сказала:

— У тёти Алины?

У меня внутри всё оборвалось — так, что я на секунду перестала дышать.

— Откуда ты знаешь про тётю Алину?

— Папа с ней по телефону разговаривал. Когда меня в бассейн возил. Он думал, я в наушниках. А я просто музыку выключила, потому что батарейка села. — Она пожала плечами, совсем как взрослая. — Он ей говорил «котёнок». Меня он так не называет. Значит, она ему важнее.

— Сонь, это неправда.

— Мам, ну я же не маленькая. — Соня посмотрела на меня с бесконечным терпением. — Почему папа живёт у тёти, если у него есть мы?

Даша кашлянула. Я протянула руку и взяла Сонину ладошку — тёплую, в пятнах от фломастеров.

— Потому что взрослые иногда перестают жить вместе. Это не из-за тебя. Папа тебя любит. Просто он теперь будет приходить в гости, а жить мы будем вдвоём.

— Вдвоём — это хорошо, — подумав, сказала Соня. — Мне можно будет рисовать на кухне?

— Можно.

— А на обоях?

— На обоях нельзя. Это обои Нины Аркадьевны.

— Они всё равно некрасивые, — вздохнула Соня, и Даша фыркнула так, что фургон слегка вильнул.

* * *

Распаковывались мы до ночи. Племянники Даши собрали Сонину кровать, перетащили коробки и уехали. Даша оста-

лась, поставила чайник, нашла в одной из коробок кружки и печенье и полчаса читала Соне книжку, пока та не уснула прямо в одежде на свежесобранной кровати.

Потом Даша уехала тоже — в пять утра ей принимать то-вар.

Я осталась одна среди коробок.

Было тихо. За стеной у Галины Фёдоровны бормотал телевизор. Под окном проехала поздняя машина, и по потолку прополз жёлтый прямоугольник света. Я открывала коробки одну за другой: Сонины игрушки, Сонины книжки, моя одежда, полотенца, кастрюли. В последней, самой тяжёлой, лежали бумаги. Всё, что я сгребла с антресолей в последний вечер, не глядя.

Медицинские карты. Сонины грамоты из садика. Гарантийные талоны на технику, которой у меня больше не было. Свидетельство о браке — я подержала его в руках и положила на дно. Папка с квитанциями. Пачка старых открыток.

И тёмно-красная корочка с тиснёным гербом.

Я узнала её на ощупь, ещё не вытащив. Твёрдая, чуть шершавая, с потёртыми уголками. Диплом о высшем образовании с отличием. Экономический факультет, специальность «Финансы и кредит». Я открыла его. Внутри, на вкладыше, длинный столбик оценок — «отлично», «отлично», «отлично». Одна «хорошо» по физкультуре, потому что я не смогла пробежать километр за норматив.

И моя фамилия. Девичья. Соколова Вероника Сергеевна.

Я сидела на полу посреди чужой квартиры и смотрела на эту фамилию. Когда-то эта девочка собиралась строить финансовые модели, спорить на совещаниях и носить строгие костюмы. Когда-то научный руководитель говорил ей, что у неё «редкое чутьё на цифры». Когда-то её звали в аспирантуру, а она выбрала свадьбу.

Где она всё это время была? Пылилась в коробке на антресолях. Вместе с гарантийными талонами.

Я провела пальцем по тиснёным буквам. Потом встала, прошла на кухню, поставила диплом на подоконник — так, чтобы утром его было видно первым делом.

— Ну что, Соколова, — сказала я вслух в пустой кухне. — Значит, начнём с начала.

Глава 3. Резюме из пустоты

Первый отказ пришёл через сорок минут после того, как я отправила резюме. Я даже не успела допить чай.

Уважаемая Вероника Сергеевна! Благодарим за интерес к нашей компании. К сожалению, ваш опыт не соответствует требованиям вакансии.

Вакансия называлась «Младший аналитик». Требования: высшее экономическое образование, знание таблиц, внимательность, желание развиваться. У меня было высшее экономическое с отличием, таблицы я знала лучше, чем таблицу умножения, а внимательности во мне было столько, что я замечала пятно на рубашке мужа раньше, чем он успевал его поставить. Желание развиваться у меня было такое, что я готова была грызть клавиатуру.

Опыт не соответствовал.

Второй отказ пришёл на следующий день. Третий и четвёртый — через неделю, одновременно, как будто сговорились. Пятый был устным: милая женщина из кадрового агентства перезвонила мне, долго расспрашивала, а потом вздохнула в трубку и сказала:

— Вероника Сергеевна, буду с вами честна. Девять лет перерыва. Работодатели этого боятся. Им кажется, что человек за это время разучился работать.

— Я не разучилась.

— Я вам верю. Но им нужно доказательство. А доказательство — это опыт.

— А чтобы получить опыт, нужно, чтобы кто-то взял на работу.

— Да, — сказала женщина с искренним сочувствием. — Замкнутый круг.

Шестой отказ сформулировали прямо: «Мы ищем кандидата с опытом работы не менее трёх лет за последние пять лет». Седьмой не сформулировали никак — просто перевели резюме в архив, и я увидела это в личном кабинете на сайте вакансий. Маленькая серая надпись: «Отказ». Даже без «уважаемая».

Я завела таблицу. Я не могу без таблиц, когда мне плохо. Компания, вакансия, дата отклика, ответ, причина отказа. Столбец «причина» заполнялся удручающе однообразно. «Нет опыта». «Большой перерыв». «Нет опыта». «Не соответствует». Я выделила его красным, а потом подумала и перекрасила в серый. Красный слишком драматичный. Серый — честнее.

Деньги таяли быстрее мартовского снега. Тысяча — Соне на школьную экскурсию. Две семьсот — продукты на неделю. Платёж по кредиту за машину — восемнадцать шестьсот, отдала из залоговых остатков, после чего на карте осталось столько, что я перестала её открывать. Игорь перевёл «на Соню» десять тысяч с подписью «пока так, потом нормально». Нормально пока не наступало.

Я научилась варить суп из того, что в нормальной жизни выбрасывала. Научилась ходить пешком до метро в обход, мимо магазина, где хлеб на шесть рублей дешевле. Научилась говорить Соне «давай в следующий раз» таким голосом, что она не переспрашивала.

* * *

Восьмое собеседование было очным.

Компания продавала офисную мебель и искала «ассистента отдела продаж». Я надела свой единственный приличный костюм — серый, купленный ещё на банковскую работу, — и обнаружила, что за девять лет он сел. Или я выросла. Юбка застёгивалась, но с усилием, а пиджак пришлось оставить нараспашку. Я посмотрела на себя в зеркало в прихожей и решила, что выгляжу как человек, который пришёл в гости в чужой одежде. Других вариантов не было.

Офис располагался в бизнес-центре у Савёловского вокзала. Меня провели в переговорную со стеклянными стенами, усадили за длинный белый стол и оставили ждать. Ждала я двадцать пять минут. За стеклом сновали молодые люди с ноутбуками и картонными стаканчиками кофе. Все были моложе меня лет на десять. Все были в кроссовках.

Потом вошла девушка. Лет двадцати трёх, в объёмном свитере, с идеальными бровями и планшетом в руках. Бейдж на шнурке: «Кристина, менеджер по подбору персонала».

— Здравствуйте, Вероника! — Она улыбнулась мне ослепительно и как-то одновременно мимо. — Можно на «ты»? У нас в компании все на «ты», у нас неформальная культура.

— Можно, — сказала я.

— Супер! Расскажи о себе.

Я рассказала. Красный диплом, банк, аналитика кредитных рисков. Потом — перерыв. Кристина слушала, кивала и что-то печатала на планшете.

— Подожди. — Она подняла глаза. — То есть ты не работала... с какого года?

Я назвала год.

Кристина посчитала в уме. Это было видно по лицу: брови поползли вверх, губы беззвучно пошевелились.

— Девять лет, — сказала она с интонацией, с которой обычно говорят «девять лет строгого режима». — А чем ты занималась всё это время?

— Растила дочь. Вела дом. — Я помедлила и добавила: — И помогала мужу с бизнесом. С финансовой отчётностью.

— Официально?

— Нет.

— Ага. — Кристина что-то отметила. — А дочери сколько?

— Восемь.

— А с ней кто будет сидеть, если что? Ну, если заболит? У нас довольно плотный график, бывают задержки, переработки...

Я почувствовала, как у меня горят уши.

— Я решу этот вопрос.

— Ага, — снова сказала Кристина. Потом посмотрела на меня с выражением, которое, видимо, считала сочувственным. — Слушай, а ты вообще готова работать в молодом коллективе? У нас средний возраст двадцать шесть лет. У нас тут свои темы, мемы, тусовки по пятницам... Тебе не будет... ну... сложно?

— Мне тридцать пять, — сказала я. — Не семьдесят.

— Нет, конечно! — Кристина замахала руками. — Я не в этом смысле! Просто мы ищем человека, который органично впишется в нашу культуру. Понимаешь?

Я понимала. Я очень хорошо понимала.

— И ещё вопрос. — Она заглянула в планшет. — Как у тебя с программами? Ну, с облачными сервисами, с таблицами онлайн, с системами учёта? Это всё очень изменилось за девять лет.

— Я разберусь.

— Ну, «разберусь» — это немного не то, что мы ищем. — Кристина снова ослепительно улыбнулась. — Мы тебе обязательно перезвоним!

Я вышла из бизнес-центра на улицу, в мокрый ветер и шум Савёловского вокзала. Дошла до остановки. Села на лавочку под навесом. Мимо прошёл мой автобус, потом второй. Я сидела и смотрела, как на асфальте под колёсами лопаются пузыри от дождя.

«Тебе не будет сложно?»

Мне было тридцать пять лет. У меня был красный диплом, ребёнок и кредит. Меня только что пожалела девочка, которая родилась примерно в тот год, когда я поступила в институт.

Кристина не перезвонила. Через два дня в личном кабинете появилась маленькая серая надпись.

* * *

Фотографию я увидела вечером того же дня, когда пришёл восьмой отказ.

Я не искала её. Я честно не искала. Соня уснула, я сидела на кухне с остывшим чаем и листала ленту в соцсети просто для того, чтобы не думать. Котики. Реклама курсов. Однокурсница защитила диссертацию. Ещё одна однокурсница родила третьего. Реклама кредита.

А потом — она.

Алина выложила фотографию двадцать минут назад. Белый песок, бирюзовая вода, бунгало на сваях. Алина в крошечном белом купальнике, загорелая, с распущенными волосами, смеётся, запрокинув голову. Рядом — Игорь. В солнечных очках, в рубашке с пальмами, которую я никогда бы ему не купила. Он обнимает её за талию и смотрит не в камеру, а на неё.

Подпись: «Мой человек. Мои Мальдивы. Моя жизнь».

Сто сорок шесть отметок «нравится». Среди них — Вадим, партнёр Игоря. И жена Вадима, Света, которая на прошлый мой день рождения дарила мне сертификат в спа и говорила, что я «душа компании».

Я посчитала. Неделя на Мальдивах на двоих, в бунгало на воде — это минимум полмиллиона. Это примерно двадцать шесть платежей за машину, оформленную на меня. Это год аренды квартиры в Медведкове. Это сто шестьдесят Сониных экскурсий.

На Соню он перевёл десять тысяч. «Пока так, потом нормально».

Я положила телефон на стол. Встала, подошла к раковине, вымыла чашку, хотя она была чистая. Вытерла её полотенцем. Поставила на полку. Взяла салфетку со стола и почти начала её складывать — и остановилась.

Нет.

Я положила салфетку обратно. Села за стол. Открыла ноутбук — старый, медленный, с трещиной в углу экрана, оставшийся ещё с института.

Если они не хотят меня брать на маленькие должности, потому что у меня нет опыта, — значит, дело не в должности. Значит, им всё равно, что я умею. Значит, я могу откликаться куда угодно.

Я открыла сайт с вакансиями, выставила фильтр по зарплате от двухсот тысяч и стала листать. Это было глупо. Это было похоже на то, как ребёнка, которого не пускают в пе-

сочницу, идёт и стучится в Кремль. Но мне было всё равно. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь отказал мне не потому, что я «не впишусь в молодой коллектив», а потому, что я замахнулась слишком высоко.

Финансовый директор. Директор по развитию. Руководитель управления рисками. Я пролистывала, не читая.

А потом остановилась.

«Ланской Групп». Помощник генерального директора.

Девелопмент и производство строительных материалов. Офис в Москва-Сити. Требования занимали полэкрана, и каждое было как пощёчина. Опыт работы помощником первого лица от пяти лет. Свободный английский. Опыт ведения сделок слияния и поглощения. Знание финансового анализа и управленческой отчётности. Готовность к ненормированному графику и командировкам. Стрессоустойчивость.

Внизу, мелким шрифтом, кто-то приписал: «Генеральный директор — человек требовательный. Предыдущие помощники не выдерживали испытательного срока. Пожалуйста, оценивайте свои силы реалистично».

Я перечитала последнюю фразу три раза. Предыдущие помощники не выдерживали.

Про «Ланской Групп» я кое-что слышала. От Игоря. Он упоминал эту фамилию несколько раз за последний год, и каждый раз с одинаковой интонацией — раздражённой и чуть завистливой. «Ланской опять тендер забрал». «У Ланского, говорят, на них какие-то виды». «Этот Князь дума-

ет, что ему всё можно». Тогда я не придавала значения. Тогда я вообще мало чему придавала значение, кроме того, что Игорь любит рубашки без крахмала.

Князь.

Я открыла свой файл резюме. В графе «Опыт работы» стояло: «Аналитик отдела кредитных рисков, полгода». Ниже — пусто. Девять лет пустоты. Белое поле, как свежесвыпавший снег, на котором никто не оставил следов.

Я поставила курсор в это белое поле. Подумала. И впервые написала правду.

«Ведение финансовой отчётности строительной компании (неофициально). Разработка схемы управленческого учёта, бюджетирование, контроль дебиторской задолженности, подготовка документов для банковского кредитования. Три года».

Я никогда никому об этом не говорила. Первые три года «КарпСтроя» — когда компания была маленькой, когда у Игоря не было денег на нормального финансиста, — отчётность вела я. Ночами, укачивая Соню одной рукой и сводя баланс другой. Схему учёта, по которой компания жила до сих пор, придумала я. Когда «КарпСтрой» подрос и Игорь нанял настоящего главбуха, он сказал мне: «Ну всё, малыш, теперь отдыхай. Ты своё отработала». И я отдыхала. Шесть лет.

Фамилию в резюме я поставила девичью. Соколова. Паспорт был ещё на Карпову, но это мелочи, до них они всё рав-

но не дойдут.

В сопроводительном письме я написала одну фразу:
«Я оцениваю свои силы реалистично».

И нажала «Отправить» в 01:47 ночи. Со злости. С мыслью: ну откажите мне, Князь. Откажите мне тоже. Встаньте в очередь.

Потом закрыла ноутбук и пошла спать. И впервые за три недели уснула сразу.

* * *

Утром я проспала.

Будильник, видимо, звонил, но я его не услышала. Меня разбудила Соня — она стояла у кровати в пижаме и тыкала меня пальцем в плечо.

— Мам. Мам. Мам, у тебя телефон звонит. Уже второй раз.

Я схватила телефон. Половина девятого. Незнакомый номер, московский, городской. Я села в кровати, откашлялась и ответила, стараясь, чтобы голос звучал так, будто я уже три часа на ногах.

— Да. Слушаю.

— Вероника Сергеевна Соколова? — Женский голос, деловой, сухой, без единой лишней интонации.

— Да.

— Это «Ланской Групп», отдел персонала. Вы отклика-

лись на вакансию помощника генерального директора.

Я сжала телефон. Ну вот. Сейчас скажет, что мой опыт не соответствует. Хотя бы позвонили, а не прислали серую надпись. Уважают.

— Да, откликалась.

— Собеседование сегодня в 16:00, — сказал голос. — Башня «Федерация», сорок седьмой этаж. Возьмите паспорт и диплом. — Короткая пауза. — Собеседование проводит Марк Александрович лично.

Глава 4. Собеседование

Лифт поднимал меня на сорок седьмой этаж пятьдесят две секунды. Я посчитала. У меня закладывало уши, и я считала, чтобы не думать о том, что юбка серого костюма врежется в талию, а блузка — Дашина, шёлковая, цвета топлёного молока, одолженная со словами «верни без пятен, это моя свадебная, со второй свадьбы» — чуть велика в плечах.

Соню после школы забирала Галина Фёдоровна. Она согласилась сразу, даже не дослушав, и сказала мне вслед: «Идите, Вероника, идите. И не горбитесь».

Я не горбилась. Я стояла в лифте с идеально прямой спиной и смотрела на своё отражение в полированной стали. Каре я пока не сделала — волосы были собраны в низкий хвост. Губы — бледная помада, чтобы не выглядеть так, будто я стараюсь. Глаза — испуганные. С этим я ничего поделать не могла.

Двери открылись бесшумно.

Приёмная «Ланской Групп» была похожа на зал ожидания в очень дорогом аэропорту. Светлый камень на полу, стеклянные перегородки, низкие кожаные кресла, на стене — логотип: строгие буквы, серебро на графите. Никаких растений, никаких картин. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти с аккуратной седой стрижкой. Она посмотрела на меня поверх очков.

— Соколова?

— Да.

— Анкету заполните. — Она протянула мне планшет с зажимом и ручку. — И копию паспорта приложите, я отсканирую. Марк Александрович примет вас через десять минут. Не опаздывайте, он не любит.

— Я пришла на двадцать минут раньше.

— Это тоже не любит, — сказала женщина без улыбки.
— Садитесь.

Я села. Анкета была на четырёх листах. Фамилия, имя, отчество. Я написала: «Соколова Вероника Сергеевна». Ниже была графа: «Если меняли фамилию, укажите прежнюю и причину». Я подумала и оставила пустой. Паспорт на Карпову лёг в лоток сканера. Пусть читают. Скрывать мне было нечего — но и рассказывать тоже.

Образование. Опыт работы. Семейное положение. Я написала: «В разводе». Это было не совсем правдой — заявление в суд я подала только неделю назад. Но я решила, что анкета — документ о будущем, а не о прошлом.

Наличие детей: «Дочь, 8 лет».

Ровно через десять минут женщина сказала, не поднимая головы:

— Проходите. Дверь справа.

* * *

Кабинет оказался огромным и почти пустым.

Стеклянная стена от пола до потолка — и за ней весь город, будто поднесённый на ладони. Серое мартовское небо, серая лента реки, крыши, крыши, крыши до самого горизонта. Длинный стол из тёмного дерева, на нём — ноутбук, стопка папок и ничего больше. Два кресла для посетителей. На стене — единственная фотография в простой раме: старый двухэтажный дом с колоннами, чёрно-белый, снятый, кажется, лет сто назад.

Мужчина стоял у окна спиной ко мне.

Высокий. Тёмный костюм, без галстука. Руки в карманах брюк. Он не обернулся, когда я вошла. Не обернулся, когда закрылась дверь. Он смотрел на город так, будто тот был ему что-то должен и тянул с возвратом.

— Садитесь, — сказал он, по-прежнему не оборачиваясь.

Голос низкий, ровный. Без приветствия. Я села в кресло и положила сумку на колени. Потом подумала и поставила её на пол. Потом подумала ещё раз и снова взяла на колени. Он молчал. Я молчала. Секунд двадцать. Это очень долго, двадцать секунд, когда ты сидишь в чужом кабинете и смотришь в чужую спину.

— Соколова Вероника Сергеевна, — сказал он наконец. — Тридцать пять лет. Красный диплом. Полгода в банке. Девять лет — ничего.

— Не ничего, — сказала я.

Он повернулся.

Я не знаю, что я ожидала увидеть. Наверное, кого-то вроде Игоря — крупного, громкого, уверенного в себе той уверенностью, которая занимает всё пространство вокруг. Этот человек пространство не занимал. Он его контролировал. Лет тридцать восемь, может, сорок. Тёмные волосы, коротко стриженные, с ранней проседью у висков — не благородной, а какой-то резкой, будто его рано заставили повзрослеть. Лицо жёсткое, без единой лишней линии. И глаза — светлые, серо-голубые, холодные, как мартовская вода в реке за его спиной.

Он смотрел на меня так, как смотрят на документ, в котором подозревают подлог.

— Не ничего, — повторил он. — Объясните.

— Я вела финансовую отчётность строительной компании. Три года. Это указано в резюме.

— «Неофициально». — Он сел за стол напротив меня и сложил пальцы домиком. — То есть подтвердить это вы не можете.

— Не могу.

— Какая компания?

— Компания моего мужа. — Я сглотнула. — Бывшего. Мы разводимся.

Он чуть заметно приподнял бровь, но сказал только:

— Мне не нужны подробности.

— Я и не собиралась их рассказывать.

Что-то мелькнуло у него в глазах. Не улыбка, нет. Скорее

— отметка на полях. Он взял ручку и что-то коротко записал в блокнот.

Дальше было как на допросе. Я не преувеличиваю: однажды, когда я ещё работала в банке, нас водили на семинар по проверке заёмщиков, и бывший следователь показывал, как задавать вопросы так, чтобы человек не успевал выстроить защиту. Короткие, быстрые, с переходами в неожиданную сторону. Марк Александрович Ланской делал именно так.

— Почему ушли из банка?

— Вышла замуж. Муж настоял.

— Почему не вернулись?

— Родилась дочь.

— Ей восемь. Почему не вернулись пять лет назад?

— Было удобно не возвращаться, — сказала я. И сама удивилась, как горько это прозвучало.

— Кому?

Я подняла глаза. Он смотрел прямо, не мигая.

— Всем, — сказала я.

Он снова что-то записал.

— Английский?

— Хороший. Не свободный. Читаю всё, говорю медленно.

— Опыт сделок слияния и поглощения?

— Нет.

— Работа помощником первого лица?

— Нет.

— Тогда почему вы откликнулись?

Я могла бы соврать. Сказать что-нибудь из книжек про собеседования: «я давно слежу за вашей компанией», «меня вдохновляют ваши ценности». Но я сидела напротив человека, который смотрел на меня, как на подлог, и я вдруг очень устала.

— Со злости, — сказала я.

Пауза.

— На кого?

— На восемь компаний, которые отказали мне на должность младшего аналитика, потому что я «не впишусь в молодой коллектив». Я решила, что раз уж отказывают, пусть отказывают те, кто этого стоит.

Он смотрел на меня ещё секунды три. Потом молча выдвинул ящик стола, достал оттуда тонкую папку и положил передо мной.

— Посмотрите. Что скажете.

* * *

В папке был расчёт.

Жилой комплекс в Подмосковье. Восемь корпусов, эконом-класс. Двенадцать страниц: исходные данные, график продаж, себестоимость, финансирование, итоговые показатели. На последней странице — рентабельность проекта: тридцать один процент. Под ней — три подписи и пометка:

«Согласовано. Рекомендуются к реализации».

Я начала читать. Сначала медленно, потому что руки слегка дрожали, а потом быстрее, потому что руки перестали дрожать. Цифры всегда так на меня действовали. Они были честнее людей: если в них что-то было не так, это всегда можно было найти.

Тридцать один процент для эконом-класса в этом районе — много. Очень много. Я помнила по «КарпСтрою»: в лучшие годы у них выходило восемнадцать, двадцать. Значит, где-то либо выручка завышена, либо затраты занижены.

Я перешла к выручке. Продаваемая площадь — квартиры, коммерческие помещения. Цена за метр. Отдельной строкой — машино-места в подземном паркинге: четыреста двенадцать штук, по цене...

Я остановилась. Вернулась на страницу с площадями. Общая продаваемая площадь. Посчитала в уме. Потом — на полях карандашом, который лежал рядом с папкой. Площадь корпусов, площадь коммерции...

Площадь паркинга. Она была включена в общую продаваемую площадь. И при этом машино-места считались отдельной строкой. Дважды. Паркинг продавали два раза: один раз — как квадратные метры по цене квартир, второй раз — как машино-места поштучно.

Я пересчитала. Без задвоения рентабельность падала до девятнадцати с небольшим. Нормальная цифра. Честная. Но совсем не та, при которой ставят пометку «Рекомендуется к

реализации».

Я подняла голову. Сколько прошло? Минуты четыре, может, пять. Он сидел, откинувшись в кресле, и смотрел не на меня, а на часы на своём запястье. Старые часы на потёртом кожаном ремешке, совсем не такие, какие носят генеральные директора в Сити.

— Паркинг посчитан дважды, — сказала я.

Он поднял глаза.

— Площадь подземного паркинга включена в общую продаваемую площадь, страница четвёртая, строка семь. И одновременно машино-места продаются отдельно, страница шестая. Это удвоение выручки. Если его убрать, рентабельность не тридцать один процент, а девятнадцать и три десятых. Я пересчитала на полях, извините, что карандашом.

Я развернула к нему папку.

Он не сразу взял её. Сначала долго смотрел на меня. Потом взял, пробежал глазами по страницам, остановился на моих пометках. Перелистнул назад. Снова вперёд.

— Этот расчёт проверяли три аналитика, — сказал он ровно. — И финансовый директор.

— Значит, все четверо смотрели на итог, а не на исходные данные, — сказала я. И тут же испугалась собственной наглости. — Простите.

— Не извиняйтесь. — Он закрыл папку. — Это раздражает.

И вот тогда он впервые посмотрел на меня по-настоящему.

му.

Я это почувствовала физически, как перемену температуры. Раньше он смотрел на меня как на документ. Теперь — как на человека, которого почему-то не заметил сразу и теперь пытается понять, как это вышло. Внимательно. Медленно. От моих рук, лежащих на коленях, к лицу. Задержался на родинке над губой — мне показалось или правда задержался? — и вернулся к глазам.

— Испытательный срок три месяца, — сказал он. — Зарплата на испытательном — сто сорок. После — обсудим. Выходите в понедельник.

Я не сразу поняла, что меня взяли. Я сидела и смотрела на него, а он уже снова что-то писал в блокноте.

— Вы... берёте меня?

— У меня три условия. — Он отложил ручку. — Никаких слёз в офисе. Никаких опозданий. Никаких личных историй. Если вы нарушите хотя бы одно, мы прощаемся в тот же день. Это понятно?

— Понятно.

— Хорошо.

Он встал. Я встала тоже. Он обошёл стол и протянул мне руку.

Это было неожиданно — такой простой, почти старомодный жест. Я протянула свою. Его ладонь была тёплой и сухой, пожатие — уверенным, но без той силы, которой мужчины любят показать, кто тут главный. И он не отпустил мою

руку сразу. Задержал её на секунду дольше, чем требовала вежливость. Одну секунду. Я почувствовала под пальцами что-то неровное, грубое — и машинально опустила взгляд.

Через всю его ладонь, от основания большого пальца наискосок, тянулся старый шрам. Белый, тонкий, давно заживший. Как трещина на старом фарфоре.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня. И я не смогла понять, что было в этом взгляде.

Потом он отпустил мою руку.

— До понедельника, Вероника Сергеевна. В восемь.

— До понедельника, Марк Александрович.

* * *

Женщина с седой стрижкой проводила меня до лифта взглядом, в котором мне почудилось что-то вроде любопытства.

— Взял? — спросила она, когда я проходила мимо стойки.

— Взял.

— Хм, — сказала она. — Ну, удачи. Вы четвёртая за год.

Двери лифта открылись. Я вошла. Внутри было пусто. Я прислонилась спиной к стенке и наконец выдохнула — так, будто не дышала с самого утра. Колени дрожали. Ладонь, которую он держал на секунду дольше, горела. Я посмотрела на неё. Обычная ладонь. Ничего на ней не осталось.

Сто сорок тысяч. Это аренда, кредит за машину, продук-

ты, Сонины кружки — и ещё останется. Это не надо больше ходить в обход мимо магазина, где хлеб на шесть рублей дешевле. Это я, Вероника Соколова, которая девять лет «ничего», только что за пять минут нашла ошибку, которую пропустили четыре человека.

Я засмеялась — тихо, одна, в пустом лифте.

Лифт остановился на тридцать втором этаже. Двери открылись, но никто не вошёл. Напротив лифтов, на стене холла, висел большой информационный стенд в стальной раме. Я машинально скользнула по нему взглядом. Логотип «Ланской Групп» наверху. Ниже — «Наши проекты», фотографии жилых кварталов, заводских цехов. Ещё ниже — колонка поменьше, с заголовком «Объекты интереса».

Три логотипа в ряд. Первые два я не знала.

Третий знала лучше, чем собственную подпись. Синий кирпич, а над ним — буква «К», стилизованная под подъёмный кран. Я сама когда-то выбирала его из пяти вариантов, которые нарисовал Игорю знакомый дизайнер. Игорь хотел красный. Я уговорила на синий: синий — это надёжность.

«КарпСтрой».

Двери лифта закрылись.

Глава 5. Марк

В семь вечера я вызвал финансового директора.

Сорокин вошёл с планшетом и улыбкой человека, который заранее знает, что его похвалят. Двенадцать лет в отрасли. Хорошие рекомендации. Зарплата, на которую можно содержать небольшой город.

Я положил перед ним папку. Открытую на четвёртой странице. Строка семь была подчёркнута карандашом. Не мной.
— Читайте.

Он читал секунд тридцать. Улыбка уходила постепенно, как вода из ванны.

— Это... технический момент. Мы бы поймали на стадии...

— На какой стадии? — спросил я. — Вы поставили «рекомендуется к реализации». Подпись ваша. Следующая стадия — покупка земли.

— Марк Александрович, это ошибка аналитика, я...

— Ошибку аналитика нашёл человек без опыта за пять минут. Вам на это понадобилось три недели и не хватило. Завтра в девять жду служебную записку. Кто считал, кто проверял, почему не увидели. И пересчёт.

Он вышел. Дверь закрыл тихо. Значит, понял.

Я остался один.

Город за окном уже горел. Я не люблю этот вид. Его любят

гости — встают у стекла, говорят «ого». Мне он нужен для другого. Отсюда всё видно. Всё под контролем.

Зоя Павловна оставила на краю стола стопку бумаг. Анкета Соколовой. Копия диплома. Копия паспорта. Обычная процедура. Кадры проверят, служба безопасности пробыёт по базам. Я такие анкеты не читаю. Никогда.

Я взял её анкету.

* * *

К анкете кадры приложили распечатку её отклика с сайта. Резюме на одну страницу. Красный диплом, полгода в банке. Ниже — строчка, которой я не ожидал: «Ведение финансовой отчётности строительной компании (неофициально). Разработка схемы управленческого учёта. Три года». И сопроводительное письмо. Одна фраза.

«Я оцениваю свои силы реалистично».

Это был ответ на нашу приписку мелким шрифтом. Про помощников, которые не выдерживают. Кадры добавили её по моей просьбе — чтобы отсеять тех, кто идёт за строчкой в резюме. Обычно на неё не отвечают. Делают вид, что не заметили.

Она заметила. И ответила. Одной фразой, в час сорок семь ночи. Без «уважаемый», без «с благодарностью за внимание».

Я поймал себя на том, что улыбаюсь. В пустом кабинете.

Над анкетой. Я давно этого не делал.

Потом перешёл к самой анкете. Почерк ровный, с наклоном вправо. Цифры чёткие, без исправлений. Графа «если меняли фамилию» — пустая. «Семейное положение: в разводе». Хорошая формулировка. Решительная. Судя по дате на заявлении, которое она не прикладывала, но которое я мог бы запросить, — не вполне правдивая.

Я перевернул лист. Копия паспорта.

Карпова Вероника Сергеевна.

Я смотрел на эту строку дольше, чем нужно. Потом открыл ноутбук. Нашёл папку «КарпСтрой». В ней — всё, что собрала служба безопасности за полгода. Структура собственности. Долги. Кредиторы. Учредитель — Карпов Игорь Владимирович, сорок лет. Женат. Супруга — Карпова Вероника Сергеевна. Дочь — София, восемь лет.

Совпадение в фамилии случается. Совпадение в фамилии, имени, отчестве, возрасте ребёнка и строительной компании «неофициально» — нет.

Я откинулся в кресле.

Мы готовим поглощение «КарпСтроя» полгода. Компания небольшая, но у неё есть то, что мне нужно: земля под Мытищами и два подряда с городом. Карпов об этом знает. Карпов три месяца пытается понять, сколько я готов заплатить. Карпов ищет людей внутри моей компании. Олег докладывал: дважды подкатывали к ребятам из юридического.

И вот в день, когда я открываю вакансию помощника, при-

ходит резюме от его жены. В час сорок семь ночи. Со злости, как она сказала.

Красиво.

Слишком красиво, чтобы быть случайностью. Слишком неуклюже, чтобы быть планом. Если Карпов хотел внедрить ко мне человека, зачем посылать жену с паспортом на его фамилию? Любой дурак проверит. Если только расчёт не на то, что я не стану проверять. Что не дойдёт до меня. Помощники ведь проходят через кадры, а кадры паспорта не сличают с досье на объекты поглощения.

Только она дошла до меня. И сказала: «Компания моего мужа. Бывшего». Сама. Я не спрашивал фамилию. Ждал, назовёт ли. Не назвала. Но и не соврала.

Я взял телефон.

— Олег Петрович. Зайдите.

Громов пришёл через четыре минуты. Он всегда приходит через четыре минуты, где бы ни был. Двадцать лет в армии, потом служба безопасности банка, потом я. Седой ёжик, тяжёлые плечи, лицо, на котором ничего не написано. Он сел, не дожидаясь приглашения. Ему можно.

Я положил перед ним копию паспорта.

Он посмотрел. Брови не шевельнулись.

— Карпова.

— Да.

— Жена.

— Говорит, бывшая. Заявление о разводе — недели две,

не больше. Проверьте.

— Принимаем на работу? — спросил он. Без интонации. Он умеет спрашивать без интонации так, что слышно всё.

— Принимаем.

Громов молчал. Ждал.

— Если она от Карпова, — сказал я, — лучше, чтобы она была у меня на глазах. В приёмной. Где я вижу, что она читает и кому звонит. Чем где-то, где я её не вижу.

— Держать врага ближе.

— Если она враг.

— А если нет?

Я не ответил. Громов кивнул сам себе, будто я ответил.

— Что нужно?

— Всё. Счета. Звонки по рабочему. Контакты с Карповым. Кто ей платит за квартиру. Где ребёнок, кто сидит. Аккуратно. Чтобы она не почувствовала. И доступ к документам по сделке — пока только открытые. Ничего по оценке.

— Сделаю. — Он встал. У двери обернулся. — Марк Александрович. Она вам понравилась?

— Она нашла ошибку в расчёте Сорокина за пять минут, — сказал я.

— Я не про это.

— Свободны, Олег Петрович.

Он ушёл. Я остался с вопросом, на который не ответил.

* * *

В девять зашла Маргарита.

Она не стучит. Пять лет не стучит. Белова — мой исполнительный директор, лучший в отрасли, я переманил её из конкурентов за двойную зарплату и ни разу не пожалел. Безупречная. Строгий костюм цвета мокрого асфальта, волосы гладко назад, ни одной лишней детали. Она положила на стол папку по Накамуре и не ушла.

— Говорят, ты взял помощницу.

— Говорят быстро.

— Зоя Павловна в восторге. Первый раз вижу её в восторге. — Маргарита присела на край кресла. — Без опыта, Марк? Девять лет дома? Мы же обсуждали профиль. Нам нужен человек, который через месяц будет вести твой календарь с японцами, а не учиться отправлять письма.

— Она нашла задвоение паркинга в расчёте Сорокина. Маргарита помолчала. Ровно секунду.

— Это случайность.

— Возможно.

— А если нет? — Она улыбнулась. Улыбка у неё точная, как всё остальное. — Тогда тем более странно. Человек с такими способностями девять лет сидит дома, а потом приходит именно к нам. Именно сейчас.

Она умная. Поэтому я её и держу.

— Я знаю, кто она, — сказал я.

— И?

— И она будет работать в приёмной. Под присмотром.

Маргарита смотрела на меня чуть дольше обычного. Потом встала, поправила манжету.

— Как скажешь. Только не жди, что я буду с ней нянчиться. — У двери она задержалась. — Ужинать поедешь? Я заказала столик, могу перенести на двоих.

— Нет. Работаю.

— Ты всегда работаешь, — сказала она. Без упрёка. С тем выражением, с каким говорят о погоде, которую надо переждать.

Дверь закрылась. Я открыл досье на Карпова ещё раз. Не по делу. Его страница в соцсети открыта для всех — он любит, когда на него смотрят. Последний снимок выложен вчера вечером. Мальдивы. Карпов в рубашке с пальмами обнимает девицу лет двадцати пяти. Подпись не его, перепост: «Мой человек. Мои Мальдивы. Моя жизнь».

Я пролистал вниз. Месяц назад — снимок с какого-то юбилея, Карпов во главе стола. Рядом с ним, чуть сбоку, почти за краем кадра, — женщина в бежевом платье. Русые волосы. Она не смотрела в камеру. Она поправляла салфетку у его тарелки.

Я закрыл страницу. Это ничего не доказывало. Человек, который хочет внедрить жену к конкуренту, может устроить и Мальдивы. Для достоверности.

Но я почему-то запомнил эту салфетку.

В десять я ещё сидел в кабинете. Офис пустой. Уборщица прошла по коридору и выключила свет в приёмной. Я не стал включать обратно.

Бабушка звонила дважды. Я не взял. Перезвонил в половине одиннадцатого. Она не спала. Она никогда не спит до полуночи.

— Мальчик мой, ты жив?

— Жив.

— Голос у тебя, будто ты кого-то хоронил.

— Уволю финансового директора. Наверное.

— А, — сказала она. — Это хорошо. Он мне никогда не нравился. У него руки потные.

— Ты видела его один раз.

— Мне хватило. Голубчик, а когда ты приедешь? Реставраторы опять что-то напутали с карнизом. Я им говорю: при вашем прадеде... ну, то есть при твоём прапрадеде... был другой профиль. А они мне показывают какие-то чертежи.

— В мае.

— Ты в марте говорил «в апреле».

— Ба.

— Хорошо, хорошо. Я старая женщина, мне можно ворчать. — Пауза. Слышно, как щёлкнула зажигалка. — Ты один?

— Не кури.

— Я не курю. Я держу сигарету. Это разные вещи, Пётр Ильич просто не понимает нюансов. Ты один, Марк?

— Я на работе.

— Это и значит «один», — сказала она и повесила трубку. Она всегда вешает трубку первой. Так у неё последнее слово.

* * *

Я снова взял анкету.

Почему она меня зацепила. Не ошибка в расчёте. Таких, кто находит ошибки, я могу нанять. Дорого, но могу.

Не лицо. Лицо обыкновенное. Серые глаза. Русые волосы, стянутые в хвост так туго, будто она держала себя за них. Костюм ей мал. Блузка велика. Видно, что собиралась на последние. Родинка над губой.

Не голос. Голос тихий, но не дрожал. Только один раз — на «было удобно не возвращаться». Тогда — да. Тогда в нём что-то треснуло.

Карандаш.

Вот что. Когда она закончила пересчёт, она положила карандаш на стол. Не бросила. Положила. И поправила — так, чтобы он лёг ровно параллельно краю стола. Маленьким движением, одним пальцем. Не думая. Как человек, который привык, что вокруг должен быть порядок, потому что больше ни на что повлиять не может.

Я это видел. И я знаю этот жест. Я сам так делаю. Всю

жизнь, с пятнадцати лет. С того дня, когда мне сказали, что машина родителей ушла с трассы под Тверью, и всё вокруг стало непредсказуемым, и единственное, что я мог, — разложить ручки на столе ровно.

Я закрыл анкету.

Семь лет назад я тоже думал, что вижу людей насквозь. Кира смеялась, когда я так говорил. Она говорила: «Ты видишь цифры, Марк. Людей ты не видишь». Она оказалась права. За неделю до свадьбы она ушла к Денису. Денис был моим партнёром. Они забрали с собой половину клиентов и всё, что я считал своим. Я не увидел. Ни её, ни его. Два человека, которых я знал лучше всех, — и я не увидел.

С тех пор я проверяю. Всех. Всегда.

Шрам на ладони заныл. Он ноет к перемене погоды. Или когда я сжимаю руку слишком сильно. Я разжал кулак. Не заметил, что сжал.

Когда я держал её руку, она посмотрела на шрам. Не отёрнула пальцы, как делают многие. Посмотрела. Потом на меня. Без жалости. С вопросом, который не задала.

Я держал её руку на секунду дольше, чем нужно. Это было ошибкой. Я не делаю таких ошибок.

Такие женщины не врут. Карандаш параллельно краю стола, голос, который треснул один раз, пустая графа там, где можно было соврать. Такие не врут.

Или врут лучше всех.

Кира тоже не врала. До последней недели.

Я выключил ноутбук. Убрал анкету в ящик стола, не в папку кадров. Сам не понял, зачем. Встал, подошёл к окну. Город горел внизу, равнодушный и большой. Где-то в нём, на окраине, в квартире, за которую она, судя по всему, едва может платить, сейчас сидит женщина с серыми глазами. Может быть, звонит бывшему мужу и рассказывает, что всё получилось. Может быть, укладывает дочь. Может быть, плачет. По ней не скажешь, что она умеет плакать.

Я поймал своё отражение в стекле. Человек в тёмном костюме, один в пустом офисе в одиннадцатом часу. Бабушка права. Это и значит «один».

В понедельник в восемь. Не опоздает. Я почти уверен. Посмотрим, Вероника Сергеевна, чья вы.

Глава 6. Первый день

В воскресенье я отрезала волосы.

Не сама, конечно. Даша отвела меня к своей парикмахерше Ларисе, у которой салон на первом этаже жилого дома за кондитерской: два кресла, фикус и календарь с котятами за позапрошлый год. Лариса посадила меня в кресло, распустила мой вечный хвост, взвесила волосы на ладони и спросила:

— Что делаем? Подровнять?

Десять лет я подравнивала. Игорь любил длинные волосы. Не очень длинные — «чтобы было за что подержаться», говорил он, и смеялся, и я смеялась тоже, хотя не находила это смешным.

— Каре, — сказала я. — Короткое. Чтобы шею было видно.

Лариса посмотрела на меня в зеркало, потом на Дашу. Даша показала большой палец.

— Уверена? — спросила Лариса. — Обратно не приклею.

— Уверена.

Первая прядь упала на пол с тихим шорохом. Я смотрела, как она лежит на клетчатой плитке — русая, длинная, чужая. Потом вторая. Потом я перестала смотреть на пол и стала смотреть в зеркало. Там постепенно появлялась женщина, которую я давно не видела. Острый подбородок. Открытая шея. Глаза — почему-то сразу стали больше. И родинка над

губой, которая раньше пряталась в тени волос, теперь была видна, как точка, поставленная уверенной рукой.

— Ну? — спросила Лариса, снимая с меня накидку.

Я повертела головой. Волосы, лёгкие, как пух, мотнулись и легли обратно ровно по линии подбородка.

— Шее холодно, — сказала я.

— Это свобода, — сказала Даша. — Свободе всегда холодно. Привыкнешь.

Дома Соня обошла меня кругом, как экспонат в музее, потрогала затылок и вынесла вердикт:

— Ты как мама из мультика, которая потом становится шпионкой.

— Это хорошо?

— Это очень хорошо, — серьёзно ответила Соня. — Шпионки самые крутые.

* * *

В понедельник, первого апреля, в семь пятьдесят две я вышла из лифта на сорок седьмом этаже. Я рассчитала маршрут с запасом на сорок минут, и запас мне не понадобился. Зоя Павловна уже сидела за стойкой. Она посмотрела на мою стрижку, потом на часы и сказала:

— Хм.

Это было, как я потом поняла, высшей формой одобрения.

Моё рабочее место оказалось прямо перед дверью кабинета Марка Александровича — стеклянный стол, удобное кресло, два монитора, телефон с двадцатью кнопками. Отсюда было видно всех, кто входил к нему, и всех, кто выходил. И его самого — через узкую прозрачную полосу в матовом стекле двери. Он уже был там. Сидел за столом, говорил по телефону и даже не поднял головы.

В восемь десять ко мне подошёл айтишник Стас — молодой, кудрявый, в толстовке с какой-то надписью — и выдал ноутбук, пропуск и жёлтый стикер с логином и временным паролем.

— Пароль потом смените, — сказал он, зевая. — У нас политика: система сама попросит через девяносто дней. Ну или раньше, если захотите.

Я наклеила стикер на край монитора. Ещё не знала, что так делать нельзя.

В восемь двадцать в приёмную вошла Маргарита Белова. Я узнала её сразу, хотя мне её никто не представлял. Такие женщины входят в помещение так, будто оно им принадлежит. Высокая, в тёмно-сером костюме, сидящем так, словно его шили прямо на ней. Гладкие тёмные волосы, собранные в низкий узел. Безупречная кожа, безупречный маникюр, безупречно холодный взгляд. Лет тридцать пять, может, чуть больше. Она остановилась у моего стола и посмотрела на меня сверху вниз — на мою стрижку, на мой серый костюм, на жёлтый стикер на мониторе.

— Соколова?

— Да. Доброе утро.

— Маргарита Викторовна Белова, исполнительный директор. — Она не протянула руки. — Марк Александрович сегодня занят весь день. Вводить в курс дела буду я.

— Спасибо.

— Не за что. — Она положила на мой стол флешку. — Здесь реестр договоров всех дочерних компаний холдинга за последние три года. Одиннадцать юрищ. Каждое ведёт учёт в своём формате. Нужно свести в единую таблицу: контрагент, предмет, сумма, сроки, статус исполнения, просрочки. И короткий аналитический вывод — где у нас риски по срокам. Это для совещания с японскими партнёрами. Завтра в девять утра.

Я посмотрела на флешку. Потом на неё.

— Завтра?

— Это проблема?

Я открыла флешку. Сто сорок три файла. Таблицы, сканы, текстовые документы. Одна из компаний, судя по всему, вела реестр в обычном блокноте, сфотографированном на телефон.

— Нет, — сказала я. — Не проблема.

Маргарита чуть улыбнулась — краешком губ, без глаз.

— Отлично. Предыдущая помощница на этом задании плакала. Надеюсь, вы крепче.

Она ушла, оставив в воздухе запах дорогих духов — что-

то холодное, с полыньёю. Я сидела и смотрела на сто сорок три файла. За стеклянной дверью Марк Александрович всё ещё говорил по телефону. Он так ни разу на меня и не взглянул.

«Никаких слёз в офисе», — подумала я. И открыла первый файл.

* * *

К обеду я поняла, что в офисе обо мне говорят все.

Не вслух, конечно. Но когда я шла к кофемашине, разговоры у неё стихали. Когда шла обратно, возобновлялись — чуть тише, чем нужно, чтобы я не разобрала, и чуть громче, чем нужно, чтобы я не поняла, о чём речь. В лифте две девушки из юридического переглянулись и одна сказала другой шёпотом, отчётливо долетевшим до меня: «Князь взял секретаршу без опыта. Без опыта, представляешь?» Вторая ответила: «Может, у неё другой опыт». И обе фыркнули.

Я сделала вид, что смотрю в телефон.

В час дня у моего стола возникла женщина в ярко-розовой кофте, с пушистой рыжеватой химией и тарелкой печенья.

— Вы новенькая? — спросила она, ставя тарелку прямо на клавиатуру. — Я Лена. Мухина. Из бухгалтерии. Печенье овсяное, сама пекла, ешьте, а то вы с утра ничего не ели, я видела.

— Вы видели?

— У нас бухгалтерия напротив, через стекло, — радостно

сообщила Лена. — Мы всё видим. Вы Соколова? Вероника? А по отчеству? Ой, неважно, у нас тут все по имени, кроме Князя. Князя только по имени-отчеству, а то он смотрит вот так, — она изобразила взгляд, от которого, наверное, замерзали реки, — и всё, ты уже не человек, а ледяная скульптура.

Я засмеялась, впервые за день. Лена просияла.

— Вот! А то сидите тут, как на экзамене. — Она понизила голос и наклонилась ко мне. — Вам Белова задание дала?

— Реестр договоров.

— Сто сорок файлов?

— Сто сорок три.

— Ой, мамочки. — Лена покачала головой. — Она его всем даёт. Инна до вас, она три недели продержалась, так она с этим реестром до двух ночи сидела, а утром Белова сказала, что формат не тот. Инна в туалете рыдала, а Князь её на следующий день уволил. Потому что, говорит, слёзы в офисе. А до Инны была Света, та вообще через неделю сама ушла. А до Светы...

— Лена, — сказала я. — Где взять реестр «Стройресурса-Север»? У них только фотография блокнота.

Лена замолчала. Посмотрела на меня с новым уважением.

— А вы шустрая, — сказала она. — Это к Ирине Павловне, она у нас по северным дочкам. Но она до пяти, а потом в бассейн. Я вам её номер дам. И скажу, что вы от меня, а то она чужим не отвечает.

К пяти вечера у меня было четыре из одиннадцати компа-

ний. К восьми — семь. В восемь пятнадцать позвонила Галина Фёдоровна и сказала, что Соня поела, сделала уроки и смотрит мультики, и что я могу не торопиться, «а то голос у вас, Вероника, как у моих пятиклассников перед контрольной».

В девять офис опустел. Свет в коридорах перешёл в вечерний режим, приглушённый и жёлтый. Ушла Лена, помахав мне от лифта. Ушла Маргарита — она прошла мимо моего стола, не замедлив шаг, но я заметила, как её взгляд скользнул по моему монитору. Ушла Зоя Павловна.

Марк Александрович не ушёл. Он сидел в своём кабинете, и через матовое стекло я видела его силуэт — неподвижный, склонённый над столом.

Я работала. Фотографии блокнота «Стройресурса-Север» Ирина Павловна всё-таки переслала мне в нормальном виде, с припиской «не благодарите, просто никому не говорите, что я так веду учёт». Я сводила столбцы, переводила форматы дат, отлавливала дубли. В одной из компаний один и тот же договор был заведён трижды под разными номерами — я отметила это отдельно. В другой — две просрочки по оплате от одного и того же контрагента, которые никто не заметил, потому что они висели в разных отчётных периодах.

В десять сорок я закончила таблицу. В одиннадцать ноль пять — аналитическую записку на две страницы: шесть рисков по срокам, три из них серьёзные, с цифрами и рекомендациями.

Я перечитала всё дважды. Потом отправила письмо Маргарите — как она и просила. Подумала минуту. И поставила в копию Марка Александровича. Совещание было его. Пусть увидит, что задание выполнено, — до того, как кто-то скажет ему, что формат не тот.

Когда я подняла голову, силуэта за матовым стеклом уже не было. Я даже не заметила, когда он ушёл.

Я ехала домой в почти пустом вагоне метро. Напротив меня спал рабочий в оранжевом жилете, уронив голову на грудь. Рядом с ним девушка с огромными наушниками беззвучно шевелила губами — подпевала. В тёмном окне вагона отражалась женщина с коротким каре, в сером пиджаке нараспашку, с сумкой на коленях. Я не сразу поняла, что это я.

Сто сорок три файла. Одиннадцать юрилиц. Шесть рисков. Я перебирала это в голове, как перебирают чётки, и с каждой станцией внутри становилось теплее. Не от гордости — от чего-то более простого. Я снова умела. Девять лет никто не проверял, умею ли я, — и я сама перестала проверять. А сегодня проверили. И оказалось, что всё на месте. Всё, чему меня учили, всё, что я когда-то любила, — лежало внутри, сложенное ровными стопками, и только ждало, когда я открою ящик.

На «Бабушкинской» рабочий в оранжевом жилете проснулся, посмотрел на меня мутными глазами и вдруг сказал: «Вы чего улыбаетесь?» Я сказала: «Работу нашла». Он кивнул с большим уважением, как будто я сообщила, что вы-

играла в лотерею, и снова уснул.

* * *

Домой я добралась в одиннадцать сорок. Ну, почти — без двадцати двенадцать я стояла у двери Галины Фёдоровны и стучала тихонько, чтобы не разбудить весь этаж.

Соня спала на её диване, свернувшись калачиком под клетчатым пледом. Рядом на полу лежал альбом и рассыпанные фломастеры.

— Она хотела вас дождаться, — шёпотом сказала Галина Фёдоровна. — Нарисовала вам картинку. Потом уснула на полуслове.

Я подняла Соню на руки. Восемь лет — уже тяжёлая, уже ноги свисают почти до моих колен. Она пахла шампунем и фломастерами. Сонно завозилась, приоткрыла один глаз.

— Мам?

— Я.

— Ты пришла.

— Пришла.

— Мам... — Она зевнула, уткнувшись мне в шею, прямо в голое место под новой стрижкой. — А ты теперь начальница?

Я подумала о Маргарите с её флешкой. О девушках в лифте. О матовом стекле, за которым целый день сидел человек, ни разу не поднявший головы.

— Почти, — сказала я.

— Круто, — пробормотала Соня и снова уснула.

Я перенесла её домой, уложила в кровать, накрыла одеялом. Подобрала с пола альбом, который Галина Фёдоровна сунула мне в руки. На последнем листе было нарисовано высокое-превысокое здание, а на самом верху, в окне, — человек с чёрной квадратной головой. Каре. Под ним кривыми печатными буквами: «МАМА НА РАБОТЕ. ОНА ШПИОНКА».

Я села на кухне, не снимая пиджака. Ноги гудели. Глаза слипались. Я сделала себе чай и даже не стала его пить — просто держала чашку обеими руками, грея пальцы.

Телефон завибрировал на столе. 23:40.

Неизвестный номер. Я открыла сообщение.

Таблица верная. Завтра в 8:00. Не опаздывайте.

Подписи не было. Она была не нужна.

Я перечитала сообщение три раза. Таблица верная. Не «спасибо», не «хорошо», даже не «получил». Просто — верная. Сухо, коротко, как проверка домашнего задания. Я хмыкнула и потянулась, чтобы положить телефон.

Он завибрировал снова. Второе сообщение. Одно слово, потом ещё одно.

Хорошая работа.

Глава 7. Лифт

К середине апреля я выучила три вещи.

Первое: Марк Александрович Ланской приходит в офис в семь двадцать, а уходит, когда уходит, и никто, включая охрану, не знает, когда это случится.

Второе: он никогда не повышает голос. Когда он недоволен, он говорит тише. Когда он очень недоволен, он молчит. На второй неделе я видела, как начальник отдела продаж вышел из его кабинета после пяти минут тишины белый, как бумага в принтере, и попросил у меня стакан воды.

Третье: я его не боюсь. Это было открытием, к которому я сама относилась с подозрением. Его все боялись — Зоя Павловна, юристы, девушки в лифте, даже Маргарита, хотя у неё это выражалось в особой, подчёркнутой безупречности. А я — нет. Мне было с ним трудно, мне было с ним холодно, я никогда не знала, что он думает. Но страха не было. Может быть, потому что я десять лет прожила с человеком, который кричал, и знала: тот, кто кричит, гораздо опаснее того, кто молчит.

Он говорил со мной исключительно о делах. «Соедините с Тверью». «Перенесите Накамуру на четверг». «Подготовьте сводку по поставщикам цемента». Я соединяла, переносила, готовила. Он кивал или не кивал. Ни разу больше не написал «хорошая работа». Иногда мне казалось, что того сооб-

щения не было — что я его придумала, засыпая на кухне над остывшим чаем.

Но иногда, поднимая голову от монитора, я ловила его взгляд через узкую прозрачную полосу в двери. Он сразу отводил глаза. Или мне так казалось.

* * *

В тот вечер я задержалась из-за сводки по цементу.

Поставщиков было девятнадцать, и у троих цены за последний квартал прыгали так, будто их рассчитывал генератор случайных чисел. Я хотела понять почему. Поняла к девяти — двое из троих, судя по всему, работали через одного и того же посредника, и этот посредник накидывал сверху по-разному, в зависимости от того, кто в «Ланской Групп» подписывал заявку. Я записала это в сводку очень осторожно, без фамилий. Фамилии пусть ищет Громов.

Галине Фёдоровне я позвонила в восемь и сказала, что буду к десяти. Она сказала, что Соня как раз дорисовывает «маму-шпионку, часть третью», и что я могу не торопиться.

В девять двадцать я выключила компьютер и вышла в коридор. Пусто. Лампы в вечернем режиме. Я нажала кнопку лифта, и пока он поднимался, за моей спиной открылась дверь кабинета.

Он вышел с портфелем в руке, на ходу надевая пальто. Увидел меня — и на долю секунды остановился.

— Вы ещё здесь.

— Сводка по цементу. Я отправила вам на почту.

— Видел.

Лифт открылся. Мы вошли. Двери закрылись, и в полированной стали отразились мы оба — я в своём сером костюме, он в тёмном пальто, на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Он нажал кнопку первого этажа. Лифт мягко тронулся вниз.

Сорок седьмой. Сорок пятый. Сорок второй.

Где-то на тридцать восьмом лифт дёрнулся. Не сильно — так, будто кто-то невидимый толкнул его сбоку. Потом раздался длинный скрежещущий звук, и кабина встала. Свет мигнул и погас.

На секунду стало совсем темно. Я услышала собственное дыхание. Потом над дверью зажглась тусклая красноватая лампа — аварийная подсветка, — и в её свете лицо Марка Александровича показалось вырезанным из камня.

— Не двигайтесь, — сказал он спокойно.

— Я не двигаюсь.

Он нажал кнопку вызова диспетчера. Раздалось шипение, потом заспанный мужской голос:

— Диспетчерская.

— Лифт номер шесть, башня, между тридцать седьмым и тридцать восьмым этажами. Двое человек. Свет аварийный.

— Ага, видим. — Пауза, шорох бумаг. — Там авария на подстанции, у вас полздания легло. Мастер выехал, ждите.

Минут сорок.

— Сорок минут, — повторил Марк Александрович таким тоном, что диспетчер, кажется, вжался в кресло.

— Ну... тридцать, если повезёт.

Шипение оборвалось. Я достала телефон. Связи не было — ни одной полоски, металлическая коробка в бетонной шахте глушила всё. Я посмотрела на время: 21:24. Галина Фёдоровна будет ждать меня к десяти. Соня будет ждать.

Он заметил, как я смотрю на телефон.

— Дочь?

— Соседка сидит с ней до десяти. Я не успею. И позвонить не могу.

Он помолчал. Потом снова нажал кнопку диспетчера.

— Диспетчерская.

— Это снова шестой лифт. У вас есть городской телефон?

— Ну... есть.

— Позвоните по номеру, который вам продиктует женщина. Скажите, что она задерживается. Что всё в порядке. — Он повернулся ко мне. — Номер.

Я продиктовала номер Галины Фёдоровны. Диспетчер, недовольно сопя, записал. Через минуту в динамике снова зашипело:

— Позвонил. Бабушка сказала, ребёнок спит, пусть не волнуется.

— Спасибо, — сказала я в динамик.

— Спасибо, — сказал Марк Александрович ровно в ту же

секунду.

Мы оба замолчали. Диспетчер хмыкнул и отключился.

* * *

Сначала мы молчали долго.

Он стоял у одной стены, я у другой. Он смотрел на дверь, будто мог открыть её взглядом. Я смотрела на красную лампу. Было слышно, как где-то далеко внизу гудит ветер в шахте. Пять минут. Десять. Время в остановленном лифте течёт иначе — то тянется, то проваливается.

— Сколько ей? — спросил он вдруг.

Я вздрогнула.

— Соне? Восемь.

— Соня, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — Что она любит?

Никто никогда не спрашивал меня, что любит Соня. Игорь не знал. Свекровь знала только, что Соня «слишком много рисует, лучше бы музыкой занималась». Даже на родительских собраниях спрашивали об оценках, а не о том, что она любит.

— Рисовать, — сказала я. — Всё время. На всём, что не приклеено к полу. Мультики. Пирожки соседки. Задавать вопросы, на которые нет ответа.

— Например?

— Например, почему у облаков нет фамилий. Или поче-

му взрослые говорят «потом», если «потом» никогда не наступает.

Он чуть заметно усмехнулся. В красном свете я едва разглядела это — дёрнулся уголок губ.

— Хороший вопрос. Про «потом».

— Я тоже так подумала. Так и не нашла, что ответить.

Пауза. Потом я сама не знаю, что на меня нашло. Может быть, красный свет. Может быть, то, что мы застряли между этажами — не наверху, где он Князь, и не внизу, где я никто, а где-то посередине.

— Можно спросить про ваши часы?

Он посмотрел на своё запястье. Старые часы на потёртом ремешке. Я видела их каждый день и каждый день удивлялась. Ни у кого в этом здании не было таких часов — механических, советских, с пожелтевшим циферблатом.

— Дедовы, — сказал он. — Он носил их сорок лет. Отдал мне, когда мне было пятнадцать.

— Почему в пятнадцать?

Он ответил не сразу.

— Потому что в пятнадцать мне нужно было, чтобы что-то тикало. Ровно. Каждый день.

Я не стала спрашивать дальше. Я поняла, что за этим стоит что-то, о чём не спрашивают в застрявшем лифте. Он, кажется, оценил, что я не спросила. По крайней мере, его плечи чуть опустились.

— Я вырос не в Москве, — сказал он через какое-то вре-

мя. Сам. Без вопроса. — Под Тверью. Там есть дом. Старый, с колоннами. Его построил мой прапрадед. Потом... потом его долго не было у нашей семьи. В нём была школа, потом санаторий, потом ничего. Мы с бабушкой жили в деревне рядом, и я в детстве лазил туда через забор. Там была оранжевая с выбитыми стёклами. Липовая аллея, пруд. Я знал там каждую доску.

— Фотография у вас в кабинете, — сказала я. — Чёрно-белая. Это он?

Он повернул голову. Посмотрел на меня внимательно.

— Вы заметили.

— Это единственное, что у вас там висит. Трудно не заметить.

— Да. Это он. Снимок девятьсот одиннадцатого года. — Он помолчал. — Четыре года назад я его выкупил. Теперь восстанавливаю.

— Сами?

— С реставраторами. И с бабушкой, которая считает, что знает про карнизы лучше всех архитекторов Твери вместе взятых. — Снова этот едва заметный изгиб губ. — Она, кстати, права. Обычно.

Я засмеялась. Тихо. И вдруг поняла, что мне холодно. Вентиляция не работала, но сквозь щели в шахте тянуло апрельской сыростью, а мой пиджак был тонким, совсем весенним. Я обхватила себя руками.

Он заметил это раньше, чем я сама успела сообразить, что

дрожу. Молча снял пальто. Шагнул ко мне через всю кабину — два шага — и накинул его мне на плечи.

— Не надо, вам самому...

— Мне не холодно.

Пальто было тяжёлым и тёплым. Ещё тёплым от него. Оно пахло чем-то сухим и древесным — кедром, может быть, и ещё чем-то горьковатым, как кожа старой книги. Не духами. Им самим. Я стояла, утонув в этом пальто до колен, и не знала, куда девать руки.

Он не отошёл обратно. Остался рядом — не вплотную, но ближе, чем стоял до этого. Его рука легла на поручень у стены. Моя лежала на том же поручне. Между нашими пальцами было, может быть, сантиметров пять.

Я смотрела на эти пять сантиметров. Я видела в красном свете белую линию шрама у основания его большого пальца. Я чувствовала тепло его руки — не касаясь, через воздух, через эти пять сантиметров. Сердце стучало глупо и громко, как у школьницы, и я злилась на себя за это и ничего не могла поделать.

Он тоже смотрел на поручень. Я видела. Он смотрел туда же, куда и я.

Никто из нас не сдвинул руку. Ни на миллиметр. Ни ближе, ни дальше.

— Вероника Сергеевна, — сказал он тихо, не поднимая глаз.

— Да?

Он помолчал. Будто собирался что-то сказать — и передумал. А может быть, просто хотел произнести моё имя в этой тесной красной темноте.

— Сводка по цементу хорошая. Посредник — Луговой. Я давно подозревал.

— Я не писала фамилий.

— Я знаю. Поэтому и хорошая.

Где-то наверху что-то громко щёлкнуло. Лифт дрогнул. И свет вспыхнул — резкий, белый, ослепительный после красной полутьмы. Я зажмурилась.

Когда я открыла глаза, он уже стоял у противоположной стены. Руки в карманах брюк. Лицо спокойное, холодное, как утром. Как будто последних сорока минут не было.

Он отступил первым.

Лифт плавно поехал вниз. Тридцатый. Двадцатый. Десятый. Я сняла пальто и протянула ему. Он взял, не глядя на меня.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что.

Двери открылись в холле первого этажа. Там сустились охранники, светили фонариками. Кто-то спросил, всё ли в порядке. Марк Александрович коротко ответил, что всё. Потом повернулся ко мне.

— Водитель довезёт вас до дома.

— Не нужно, я на метро...

— Половина метро не работает, авария на подстанции. —

Он уже шёл к выходу. — Это не обсуждается. Спокойной ночи, Вероника Сергеевна.

Водитель довёз меня до Медведкова. Всю дорогу я сидела на заднем сиденье и смотрела на свою ладонь, лежащую на колене. Пять сантиметров. Ничего не случилось. Совершенно ничего.

* * *

Утром я пришла в семь пятьдесят. На моём столе, ровно посередине, между двумя мониторами, стоял бумажный стакан с кофе. Крышка ещё тёплая.

Я сняла крышку. Капучино. Сверху, на молочной пене, — тонкий коричневый узор. Я наклонилась, и запах ударил в лицо. Корица.

Я пила кофе с корицей с семнадцати лет. Каждый день. В «Ланской Групп» я носила с собой маленькую баночку молотой корицы и добавляла её в стаканчик из кофемашины, отвернувшись к окну. Я никому об этом не говорила. Ни Лене. Ни Зое Павловне. Никому.

Я подняла голову. Через узкую прозрачную полосу в двери кабинета был виден его силуэт. Он сидел за столом и говорил по телефону. И не смотрел в мою сторону.

Глава 8. Бывший в приёмной

Кофе с корицей появлялся на моём столе каждое утро.

Всегда до восьми. Всегда ровно посередине между мониторами. Всегда без записки. Я ни разу не видела, кто его приносит. Однажды пришла в семь тридцать — специально, чтобы застать, — а стакан уже стоял, тёплый. Спросить я не решилась. Он вёл себя так, будто ничего не происходит, и я вела себя так же. Мы оба оказались очень хорошими актёрами. Или очень плохими — с какой стороны посмотреть.

Лена из бухгалтерии на третий день заметила стакан и подняла брови до самой химии.

— Это откуда?

— Из кофейни, — сказала я.

— Я вижу, что не из кофемашины. Кто принёс?

— Не знаю.

Лена посмотрела на дверь кабинета Марка Александровича. Потом на меня. Потом снова на дверь. И молча ушла к себе за стекло, где немедленно что-то зашептала соседке. Я сделала вид, что не заметила.

* * *

В понедельник, двадцать девятого апреля, я открыла его календарь и увидела на одиннадцать утра встречу, которой

там вчера не было.

«КарпСтрой». Карпов И. В., Шилов В. Г. Предварительные переговоры. 15 минут.

Вставил её он сам — поздно вечером, судя по отметке. Без комментариев. Без предупреждения.

Я сидела и смотрела на эту строчку. Карпов И. В. Человек, которому я десять лет гладила рубашки. Человек, который забрал деньги с общего счёта за пять часов до годовщины. Он придёт сюда. В эту приёмную. Через два с половиной часа. И увидит меня за этим столом.

Я встала и пошла в туалет. Закрылась в кабинке. Постояла, прислонившись лбом к холодной перегородке. «Никаких слёз в офисе», — сказала я себе. И не заплакала. Слёзы стояли где-то совсем близко, у самого горла, но я держала их там, как держат дверь, в которую ломится ветер.

Потом вышла, вымыла руки холодной водой и посмотрела в зеркало. Каре, серый костюм, бледные губы. Я достала из сумки помаду — ту, что купила на прошлой неделе с первой зарплаты, тёмно-вишнёвую, на которую раньше никогда бы не решилась. Накрасила губы. Посмотрела ещё раз.

Удобная? Посмотрим.

* * *

Они пришли без пяти одиннадцать.

Я услышала Игоря раньше, чем увидела. Его голос всегда

входил в помещение первым — громкий, раскатистый, уверенный. Он что-то рассказывал Вадиму Шилову про пробки на Третьем кольце, и Вадим смеялся, как смеялся всегда, когда Игорь шутил, — на полтона громче, чем было смешно.

Потом они вышли из-за угла.

Игорь был в новом костюме. Тёмно-синем, приталенном, явно не из тех магазинов, где мы покупали ему одежду раньше. Загорелый — мальдивский загар ещё не сошёл. Волосы подстрижены короче, чем он носил, по-молодёжному, с выбритыми висками. Он выглядел как человек, который решил, что ему снова двадцать пять. Вадим шёл чуть позади, с папкой, в своём вечном сером пиджаке, чуть тесном в плечах.

Зоя Павловна поднялась им навстречу.

— Карпов, Шилов, к Марку Александровичу. Проходите в приёмную, вас встретит помощник.

Игорь кивнул ей, не глядя, повернулся — и увидел меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.